

ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ
2010

Глаголица

ГАЗЕТА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Электронная версия газеты в Интернете: www.philol.msu.ru/faculty/newspaper

2

Сергей Трафедлюк
Бултых!
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Я не буду писать о Чехове – ни образа его, ни человеческой тени его, ни пропавшей без вести души не хочу тревожить. Речь идет вовсе о другом: о том, что писатель мастерит из непотребного и скупого материала, который и в жизни-то некуда приткнуть, чудесный ковчег, пригодный для долгого путешествия. Плотник от литературы, прозаик в большей степени, чем поэт, блюдет стандарты пассажирского комфорта. И вот мы предъявляем контролеру наши бесплотные билетки и свободно, даже с некоторым шиком рассаживаемся по местам, чтобы совершить волшебное, убаюкивающее плавание. Каждому хватило пространства, каждый глядит в свой иллюминатор и здороваётся ладошкой с ветерком. Книга на столе. И она раскрыта, как тайна.

Когда подступал к сему «эссею», мне вот что казалось: тексты загустевают в прошлом и остаются в нем окостенелыми и обездвиженными. И даже не так объясню привычную уж давно мысль: тексты меняются не оттого, что мы движемся во времени, а оттого, что сами слова движутся в нас. Что уж говорить о путешествии, которое способны затеять рассказ или повесть? Взойдем же, вслед за Гусевым, по трапу и попадем на своеобразный «корабль внутри».

Года два назад по просьбе Владимира Борисовича Катаева, заведующего кафедрой истории русской литературы, я написал небольшую статью о чеховском рассказе «Гусев» для довольно солидной энциклопедии. Думая лишь слегка переработать ее, подчистив паутину академизма и добавив несколько свежих черт, я обнаружил вдруг, что за этот короткий довольно срок статейка уж слишком далеко уплыла от нынешнего прочтения «Гусева». Вернее, конечно, сам рассказ отдалился, незаметно уплотнившись годовыми кольцами. Суть эксперимента – соединить легкой прямой две точки, точки зрения: ту, что сейчас лежит в ядре, восприятие текста сегодня, и ту, что теперь ушла на орбиту и осталась законсервированной в давнишней зарисовке.

Статья 2008 года начиналась так.

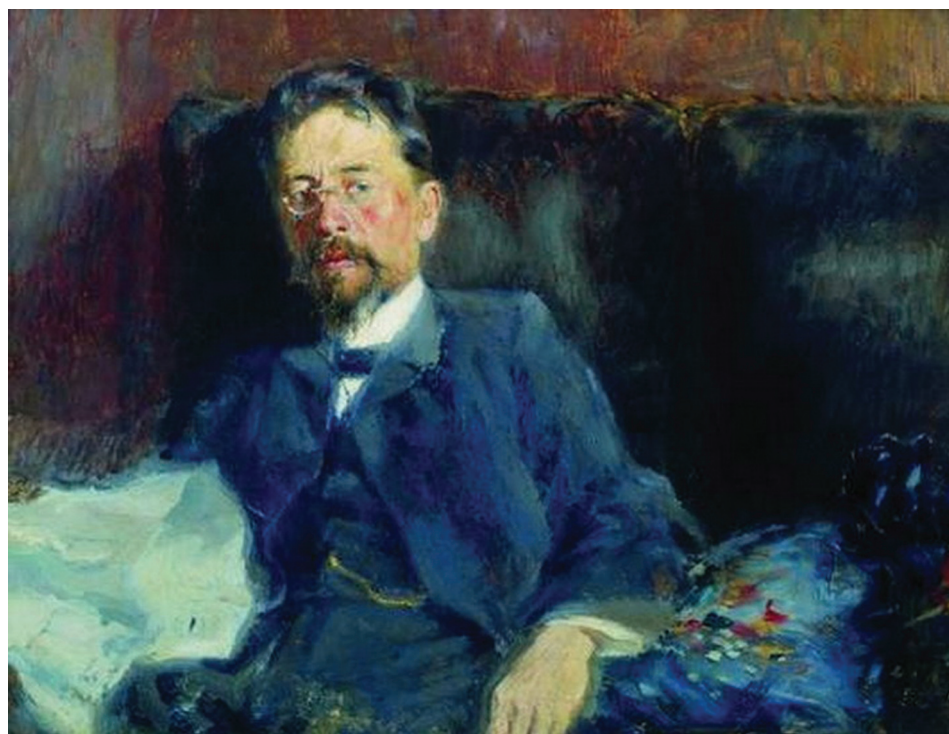
Английская писательница Вирджиния Вульф, сопоставляя в своем эссе «Modern Fiction» (1925) цивилизацию русскую (восточную) с европейской (западной), разницу двух многовековых культур иллюстрирует всего лишь одним рассказом. Это рассказ Чехова «Гусев».

Бултых!

Эссе не о Чехове, с двумя финалами

Современный писатель, по мнению Вульф, должен, подобно Чехову, обладать мужеством выбирать не «это», а «то», и основывать свой труд исключительно на «том» («He has to have the courage to say that what interests him is no longer “this” but “that”: out of “that” alone must he construct his work»). Под «этим» писательница понимала нормы, навязываемые литературной конъюнктурой времени. Напротив, под «тем» – элементы и приемы, неприличные для эпохи и литературного контекста. Неужто речь и правда идет не о Хлебникове, Белом или Хармсе, а о сверхтрадиционном, скучноватом, пенснейном Чехове?

Впрочем, на самом-то деле напряжение текста, его, так сказать, тургор определяется, как обычно у Чехова, не только сосуществованием людей – Мандельштам сжал сложность такого конфликта до короткой фразы: «Люди живут вместе и никак не могут разъехаться. Вот и все». В «Гусеве» неизбежность близости заставляет фокусировать внимание на незначительных, интересных за неимением интересного деталей: «У одного солдата правая рука в повязке и на кисти наворочена целая шапка, так что карты держит он в правой подмышке или в локтевом сгибе, а ходит левой рукой». С какой же радостью текст начинает течь, ког-

Опуская ряд ненужных сейчас библиографических замечаний, перепрыгнем в чеховский текст.

«Уже потемнело, скоро ночь». Так начинается рассказ. За короткой фразой следует болезненный, то затухающий, то оживляющийся диалог между бессрочноотпускным рядовым, денщиком Гусевым и Павлом Ивановичем, «человеком неизвестного звания», как позже выясняется – из духовенства. Только из последующих разговоров мы узнаем, что оба собеседника, а также еще трое («два солдата и один матрос»), находятся в лазарете судна, возвращающегося с Дальнего Востока в Россию. Все пятеро больны чахоткой, что предрешает их судьбу – и ход сюжета.

да Гусеву однажды удастся взглянуть наружу и увидеть там нечто, отличное от мертвого тела океана: «На прозрачной, нежно-бирюзовой воде, вся залитая ослепительным, горячим солнцем, качается лодка. В ней стоят голые китайцы, протягивают вверх клетки с канарейками и кричат: «Поет! Поет!» О лодку стукнулась другая лодка, пробежал паровой катер. А вот еще лодка: сидит в ней толстый китаец и ест палочками рис». Впрочем, позволив себе небольшое любование жизнью, автор мигом прячется за спину персонажа: «“Вот этого жирного по шее бы смазать...” – думает Гусев, глядя на толстого китайца и зевая».

Продолжение на странице 2.

4

Елена Белеванцева
**К ПОРТРЕТУ
ЮНОГО ФИЛОЛОГА**

Бултых!

Эссе не о Чехове, с двумя финалами

(Продолжение. Начало на странице 1)

Зевок – сгусток скуки, имитация сна, обезьяна речи. Эта примитивная механика тела заполняет паузы между репликами диалога Гусева и Павла Ивановича.

И вообще – если внимательнее присмотреться к диалогу между двумя «пассажирами» в больничной каюте, кажется, что диалога как такового просто не происходит. Каждый из его участников просто произносит реплики, своеобразный бесконечный монолог вслух ни для кого. Кажется, что Павел Иванович пытается объяснить Гусеву, «бессмысленному человеку», в чем именно он заблуждается... Увы, вернее будет сказать, что и Павел Иванович, и Гусев, и трое других чихоточных всего лишь стараются не замечать надвигающейся на них угрозы небытия, смерти.

Участь людей, оказавшихся запертыми в глубине корабля, далеко от солнечного света и морского пейзажа, который виден только в «круглое окошечко», очевидна для всех, кроме них самих. И в этом

ничивается всего одной – но зато какой! – цитатой: «он <труп Гусева> становится похожим на морковку или редьку: у головы широко, к ногам узко...» («looking “like a carrot or a radish”»). Даже гротескное «и – бултых!» при сбрасывании тела Гусева за борт представляется стилистическим цинизмом: мертвец сравнивается с овощем.

А вот реакция, как кажется, не менее циничная, на сообщение о смерти Павла Ивановича:

«Ну, что ж, – бормочет Гусев, зевая. – Царство небесное».

Но стоит ли удивляться этому равнодушию? Люди просто живут – вернее, доживают свой срок – вместе; так не разумнее ли сбежать хоть мысленно в страну, где свежий холод, друзья и семья, заглянуть хоть краешком глаза туда, где нет покойников, пустой, огромной воды, Павла Ивановича... Что он там говорит?

– Гусев, твой командир крал?

Господи, к чему тут командир, к чему ворошить прошлое, зачем

зует глаголы, присущие действиям живого человека.

«Пройдя сажен восемь-десять, он начинает идти тише и тише, мерно покачивается, точно раздумывает

Итак, первая и самая необходимая функция литературы, безусловно, – преодоление. Преодоление инертности, аморфности и бессюжетности исходного мате-

Самомнение и самолюбие у нас европейские, а развитие и поступки азиатские. А. П. Чехов

<...> встречает он на пути стаю рыбок». Что жив Гусев, что он мертв – он остается неизменен. Окончательного разрушения его тела мы так и не увидим – вместо этого автор предлагает полюбоваться акулой, которая «поворачивается вверх брюхом, нежится в теплой, прозрачной воде».

А пока тело уходит на дно, взгляд автора, в ходе повествования ограниченный точкой зрения Гусева, освободившись и обретя самостоятельность, перемещается наверх, к небу. Перед нами – живописная пейзажная зарисовка: облака, похожие на триумфальную арку, льва или ножницы, потом – поток разноцветных лучей. «Глядя на это великолепное, очаровательное небо, океан сначала хмурится, но скоро сам приобретает цвета ласковые, радостные, страстные, какие на человеческом языке и назвать трудно».

Так заканчивается рассказ.

Два года назад я завершил свои рассуждения следующим абзацем:

Но что же хотел сказать таким неожиданным финалом Чехов? Видимо, как и в своих поздних рассказах, писатель вновь ставит под сомнение полноту человеческого познания и его способность, глядя в окошко иллюминатора из лазарета, охватить окружающий мир, космос, природу. Человек не замечает мира – и мир не замечает человека. И как не может язык чело-

риала, то есть самой жизни. Более того, каким-то непостижимым образом превращение наших голосов в безделушки слов и звуков позволяет преодолеть не только повседневное – невнятное и бессвязное – течение быта, но и ненужность, незавершенность нашего существования. Только литература оставляет за собой право отыскать сюжет и поставить точку, которая, как правило, никогда не совпадает со смертью. Фактически человек овладевает способом контролировать собственное исчезновение, становится обладателем надежного механизма, в чьей власти – управление временем и пространством. Как этим механизмом пользуется Чехов?

Прекрасное в последней части рассказа начинается проступать исподволь, издали, как сон, со сказочным каким-то напевом – «Спит он два дня, а на третий в полдень приходят сверху два матроса и выносят его из лазарета». Последнее путешествие Гусева, в отличие от его мутного, муторного, тягостного, как само словосочетание «бессрочноотпускной рядовой», умирания, – по-настоящему красиво. Красиво тем, что уходят мучившие кошмары, уходит судно и душный лазарет, пропадают мертвецы – Павел Иванович, других по имени не величал, – пропадает, наконец, и сам Гусев, человеческая его часть – душа? сознание? голос? – растворяется, преобразуется в смешной овощ, морковку или редьку, и, издав громкий, сочный, такой обычный звук – бултых! – пропадает навсегда. Но остаются облака, и небо, и лучи, и океан остается, и цвета остаются – «ласковые, радостные, страстные, какие на человеческом языке и назвать трудно». И в том, что человек не сможет уже прикоснуться к этой красоте, не купит уже ее ношенными, выхолощенными словами – и кроется секрет неповторимости, неповторяемости. Иными словами, секрет того, что делает литературу незаменимой, что вносит счастье в нашу жизнь, что вселяет робкую надежду, – я больше не повторюсь.

Текст: Сергей Трафедлюк
В оформлении использована
репродукция «Портрета Антона Чехова»
работы П. А. Нилуса

Я верю, что ничто не проходит бесследно и что каждый малейший шаг имеет значение для настоящей и будущей жизни. А. П. Чехов

сходятся видимые противоположности – Павел Иванович и Гусев. Оба упорно продолжают блуждать по тропинкам своих воспоминаний или с жаром отдаваться риторическим спорам, даже не предполагая мысли о «наступающей на пятки» кончине.

Вот так она и наступит на нас, случайно, как девочка на божью коровку, и мы даже не сообразим, не разберем толком, что же такое происх...

«Вдруг с солдатом-картежником делается что-то странное... Он называет черви бубнами, путается в счете и роняет карты, потом испуганно и глупо улыбается и обводит всех глазами.

– Я сейчас, братцы... – говорит он и ложится на пол».

Напарники по игре не понимают случившегося и поят труп из кружки, пока им не объяснят: «Что! – передразнивает Гусев. – Внемдыхания нет, помер! Вот тебе – и что! Экий народ неразумный, Господи ты Боже мой!».

Бессознательный цинизм, глухота к уходу человека из жизни сопровождают каждого из героев. Даже «протестант» Павел Иванович, уверенный, что живет сознательно, все понимает и видит, «как видит орел или ястреб, когда летает над землей», лежа при смерти, убеждает самого себя, что идет на поправку. Неслучайно в своем эссе «Modern Fiction» Вирджиния Вульф, называя Чехова ярчайшим представителем русской литературы, огра-

э тот человек лезет и говорит непонятное, чуждое, ненужное? Лучше видеть сани, снег, коней, слышать, как «люди хохочут, собаки лают».

Даже смерть не может заставить его задуматься, что будет с ним после, и оторвать свой мысленный взор от привычных зимних пейзажей, семьи, домашнего скота – наоборот, бред и реальность меняются местами, и на палубе Гусев насчитывает восемь быков и хочет погладить воображаемую лошадку. А на вопрос солдата, выведшего его на палубу продышаться, не страшно ли ему умирать, Гусев отвечает: «Страшно. Мне хозяйства жалко. Брат у меня дома, зна-

У насекомых из гусеницы получается бабочка, а у людей наоборот: из бабочки гусеница. А. П. Чехов

ешь, не степенный: пьяница, бабу зря бьет, родителей не почитает. Без меня все пропадет и отец со старухой, гляди, по миру пойдут». Знаки, посылаемые ему (кошмарное видение бычьей головы без глаз) не задевают сознания. Гусев остается Гусевым до самого конца. Вот почему в заглавии рассказа – лишь фамилия персонажа: больше о нем просто нечего сказать. И именно поэтому автор не обозначает момент смерти и, совершая подмену, зовет труп Гусева Гусевым, а для описания исполь-

веческий описать цвета, в которые окрашивается небо в день смерти Гусева, так и сам человек не может вырваться из своей людской оболочки и взглянуть на мир с точки зрения бесконечно повторяющегося круговорота жизни и смерти. Думая, что и после смерти он будет волноваться о брате-пьянице, который бьет свою бабу, Гусев останется Гусевым – навсегда.

Читая рассказ сегодня, мне хочется поговорить несколько о другом. В первую очередь, о преодолении.

СКАЗОЧНАЯ ДАНИЯ, или Прогулки по КОПЕНГАГЕНУ

Копенгаген – удивительно удобный, спокойный и экологически чистый город. Именно там хотелось бы растить своих детей и жить, когда придет время тихой старости. Датчане, откровенно говоря, живут не в самом приятном климате: зимой постоянно идет дождь, иногда снег, с моря дует очень сильный и холодный ветер. Понимая, что противостоять законам природы бессмысленно, датчане научились создавать уют при любых условиях. Дания похожа на добрую любящую бабушку, которая рассказывает истории о королевских замках, зеленых лугах с коровками, лесах с оленями, а в день рождения Ее Высочества устраивает прогулки до замка Амалиенбург, на балкон которого каждый год, приветствуя свой любимый народ, выходит королева-маргаритка с семьей. В Дании все живут одинаково хорошо. Так, в обществе условно можно выделить два основных социальных слоя: люди обеспеченные и люди очень обеспеченные. В датском обществе нет острых разногласий – этот народ живет дружно, и даже министры здесь ездят на работу на велосипедах.

От ратушной площади до Нового порта. Центр Копенгагена не очень большой, поэтому по нему лучше всего ходить пешком, тем более что именно там находится самая длинная в Европе пешеходная улица – Стрегет. Она берет начало от ратушной площади и заканчивается недалеко от Нового порта. Эта улица сегодня является излюбленным местом прогулок большинства туристов, здесь также частенько можно встретить белокурых копенгагенских модниц и их шведских соседок из Мальме. В магазинах по улице Стрегет есть не только всем известные европейские марки, но и типично скандинавские бренды, такие, как, например, этническая «Индийска» или «Сестры Грене».

Новый порт. Небольшая гавань, по обеим сторонам которой теснятся милые разноцветные домики, – место, где родился Г. Х. Андерсен. Почти в каждом из этих домиков расположен ресторан, летом за столиками, расслабившись, сидят люди, попивают «Туборг» или «Карлсберг» и поедают датские бутерброды различных видов – с селедкой, с мясом, соусом «Рамуледе», картофелем

или паштетом «Левеппостай» и красной капустой. Молодежь обычно располагается прямо у воды, глаза на туристов, ожидающих экскурсии по каналам. Если вы считаете, что гид вам не нужен, то лучший вариант – купить билет на джазовый круиз. Тогда вместе с вами на катере окажутся веселые музыканты, а прохожие будут останавливаться на мостах и пританцовывать. Возможно, катер подплывет к какому-нибудь ресторанчику на набережной, тогда его посетителей угостят джазовыми мелодиями, а музыкантов – пивом из бара.

Набережная. От Нового порта до Русалочки стоит пройти пешком, особенно если вы захотите побольше узнать о датской архитектуре. Очутившись на набережной, вы увидите новое здание Королевского театра, открывшегося зимой 2008 года, – яркий пример датского дизайна. На противоположном берегу возвышается церковь Спасителя. Ее спиралевидный шпиль венчает вход в общину датских хиппи, Христианию, из каждого закоулка которой видна башня датского парламента. На полпути к Русалочке стоит королевский замок Амалиенбург, а чуть поодаль виднеется купол церкви Фредерикс, которую часто называют Мраморным собором. Напротив королевского замка находится Опера.

Пройдя немного вперед, вы увидите Датский Королевский музей слепков, а перед ним – бронзовую статую Давида работы Микеланджело, точнее запасную копию этой статуи. Давид стоит там довольно давно и, кажется, позеленел от холода.

Продолжив свой маршрут, вы заметите военные укрепления, в плане напоминающие звездочку. По каналу, вырытому вокруг них, плавают лебеди.

Оттуда до Русалочки рукой подать. Как раз по пути вам попадется бухта, где пришвартованы небольшие белые яхты. Вид здесь открывается скорее средиземноморский, чем скандинавский. Ничего лишнего, если не считать белого лебедя, который особенно прямо держит шею и, видно, пытается походить на одну из белоснежных яхт, покачивающихся в холодном Северном море.

Русалочки. Русалочка, сидящая на холодном камне и грустно смотрящая

вдаль, – один из самых растиражированных символов Копенгагена, а ее голова уже не один раз становилась сувениром, привезенным из Дании некоторыми особо отважными туристами. Однако недалеко от этой «знаменитости» есть еще две «альтернативные» русалочки, на которые интересно посмотреть. Тем более что находятся они в районе набережной Лангелинье, где также можно купить вкуснейшее мягкое сливочное мороженое и полюбоваться кораблями, прибывающими в порт и лавирующими среди одиноко стоящих в море ветряных мельниц. Первая из русалочек расположена в самом начале Лангелинье. Она не отличается особым изяществом. Вторая же спрятана от фотоаппаратов туристов за фасадами домов. Она была создана датским скульптором Бьорном Нергаардом в духе странноватых скульптур Сальвадора Дали, находящихся в доме-музее художника в Фигересе.

Парки. Большое количество зеленых зон в Копенгагене объясняется любовью датчан к природе и их заботой об экологии. Когда в скандинавской стране солнечно, лучше всего, завалявшись сэндвичами и кофе, посидеть в парке на скамеечке, перекусить и полюбоваться белокурыми ангелочками, с которыми прогуливаются молодые датские папаши.

В нескольких шагах от станции Неррепорт, важного транспортного узла Копенгагена, находятся два парка: Ботанический сад с павильоном тропи-

ческих растений и королевский парк, расположенный вокруг замка Розенбург, в котором сейчас находится музей драгоценностей датской короны.

В Королевский парк лучше идти рано утром, когда на зеленых газонах блестит роса, пока там спокойно и пустынно. Тогда кажется, что все это не просто так и из-за куста вот-вот выпрыгнет кролик, а из-за ветвистого дерева выглянет Алиса. Днем в теплую погоду все поляны становятся местом для огромного пикника, во время которого горожане наслаждаются дружеской беседой на свежем воздухе. Датчане лучше всех умеют создавать уютную атмосферу из минимума составляющих.

В ботанический сад стоит пойти хотя бы для того, чтобы посидеть в уютной диким виноградом беседке, побродить по павильонам с тропическими расте-

ниями, напоминающими Королевский павильон в Брайтоне, наконец, подышать свежим воздухом перед посещением Государственного музея изобразительных искусств.

Латинский квартал. Думаю, побывавшие в Копенгагене путешественники согласятся со мной, что в этом городе все дороги ведут к Стрегету. Однако, свернув в какой-нибудь узкий переулок с разноцветными домиками и задумчивыми велосипедистами, можно найти что-нибудь не менее интересное, например, магазины молодых датских дизайнеров, арабскую лавочку со странным кофе или кондитерскую, в которую часто навещаются члены королевской семьи. Именно в этой части города спрятаны маленькие уютные ресторанчики, например, первый итальянский ресторан в Копенгагене. Работающие в нем официанты-итальянцы не упустят случая прокричать вслед хорошенькой девушке: «Ciao, bella!»

В этом же районе находится старое здание Университета Копенгагена. Каменная кладка потемнела от времени, а стены увил плющ, так что выглядит оно мрачно и загадочно. После занятий студентки перемещаются стайками по маленьким улочкам, оценивают новые коллекции в маленьких магазинчиках или идут поболтать в кофейню «Робертс». Юноши греются на солнышке на площади Фру Пладс, а потом присоединяются к дружной компании в так называемом Студенческом доме.

Заплутав в переулках Латинского квартала, вы должны поздравить себя: у вас наконец-то появилась возможность искать дорогу не по карте, а по звуку колоколов церкви Богородицы или же по гулу, летящему со Стрегета.

Вместо заключения. Должна признать, что по сравнению с Москвой Копенгаген кажется маленькой деревушкой, и двух – трех дней действительно хватит, чтобы осмотреть все достопримечательности. Но ведь истинный дух города можно ощутить, лишь став на какое-то время частью жизни простых датчан, тем более что живет им неплохо.

Пусть вас не пугают тишина и запустение на главных улицах, наступающие в семь часов вечера, причем даже в выходные. Просто именно в это время каждый датчанин спешит домой, чтобы присоединиться к семейному ужину. Единодушие в сохранении национальных традиций и открытость жителей этой страны внушают уважение. Датское общество продвигается вперед как в области современных технологий, так и в решении вечных вопросов. «Отцы» и «дети» живут в согласии. Дети получают намного больше свободы, чем можно было бы себе представить в русской семье, а родителей действительно уважают. Кто знает, как изменит вас поездка в Данию. Возможно, вы станете приверженцем скандинавского образа жизни. Тогда не забудьте о датском дизайне и обязательно перекрасьте стены вашей комнаты в белый цвет – тогда ваша жизнь начнется с нового, скандинавского листа.

Текст и фото Полины Кошелевой

К ПОРТРЕТУ ЮНОГО ФИЛОЛОГА

Что это за существо такое – юный филолог? Нет, это не первокурсник-неофит, как можно было бы поначалу подумать. Мы говорим о слушателях семинаров, которые проходят в рамках Школы юного филолога (ШЮФ) в течение вот уже многих лет. Это те молодые люди (хотя, скорее, девушки!), что, отведав филологии в школьном формате, реши-

ли продолжить знакомство с ней на ином, более «продвинутом» уровне. Эти юные филологи отличаются множеством талантов, среди которых можно найти, например, такие, как талант вовремя – минута в минуту! – приезжать на семичасовой вечерний семинар из Митино... или талант задавать преподавателям-старшекурсникам вопросы, на которые те в панике

не знают, что ответить. Присутствует также талант поэтический...

Юный филолог пишет о разном: и о том, что тревожит его юную филологическую голову (например, он переосмысливает что-то или рефлексировать над какой-нибудь книгой, а может быть, историческим событием), и о том, что творится в его юном же, но уже нефилологическом мире (это мо-

гут быть ролевые игры или стрельба из лука, а могут и вполне взрослые страсти, касающиеся отношений с людьми и переживаемых чувств).

Так давайте приблизимся к портрету юного филолога, давайте взглянем на него, потом – взглядимся, а потом, – кто знает! – возможно, и увидим в нем себя сколько-то лет назад!

Елена Белеванцева

Флейта

Флейта, не плачь, не терзай меня нежным сопрано –
Это ветер-чудак наши души, как волны, вспенил.
Отчего же тоска подступила, и даже странно,
Ведь мы рождены не для горести, а для пенья.
Флейтист, расскажи, что нас ждет; нет, постой-ка,
Расскажи мне лучше, что снится к рассвету ближе,
Как в уставших глазах разбивается свет на дольки,
Как холодное море раскрошенный мрамор лижет.
Флейта, уймись; слишком грустно сегодня, флейта,
Видишь, флейтист неулыбчив, а я несносен.
Нет, не пророчь нам беды напрасной и не жалея ты,
Это на чай к нам за столик подседа осень.
Слышишь, флейтист, все проходит, и это – тоже.
По канату гуляя вслепую, нетрудно упасть, но
Есть то, чего даже глупости наши не уничтожат.
Времени, женщинам, странностям – неподвластно.
Мы же удачливей и улыбчивей многих прочих.
Даже когда все ужасно и дело к ночи.

Я живу в точке, где небосвод встречает море,
на глубине, в невозможнейшей тишине.
И если ты тонешь в тоске своей и печали,
то, значит, идешь напрямик погостить ко мне.
Прости уж, что не налью тебе крепкого чаю, но дам сигарету; не удивляйся, ну,
Что невозможного там, где сам мир отчаян
и оттого породил эту чертову глубину?
Ближе к поверхности – волны и крики чаек.
Люди на листиках пишут свою мечту –
Это бумажные корабли. Их штормит, качает,
если потонут, то, может быть, я прочту.
Море – оно такое, одни сюрпризы, так интересно спускаться в его нутро...
Если ты хочешь сюда, то не нужно визы, просто отдайся в волю семи ветров.
Позже – вернешься к себе, если вспомнит кто-то,
я улыбаюсь, сидя здесь, как в колодце.
Рыбы умеют смеяться, когда охота. Рыбам порой только это и остается.

Рина Николаенко, 9 класс

Последнему Валу

Ученый, благородный дворянин,
Красавец и вояка Генрих Третий:
Таким воскрес ты на страницах книг,
Таким ты был в шестнадцатом столетии.

О, как желанна, но жестока власть!
Тебе не дал Бог радости отцовства,
Вот потому-то призван завершать
Ты рода Валуа – увы! – господство.

Навек почил в объятьях темноты:
Верх над тобой корона одержала!
Последнее, что, верно, помнил ты –
Из складок рысы подлый блеск кинжала...

Ты был надеждой для своей семьи:
Тем заговорщикам не уступал ты трона,
Что спали, видя головы свои
В венце французской золотой короны.

Ты скрыл под гордой маской скорбь лица,
И одиночество – чувствительности осень –
Травило твое сердце до конца,
А было тебе только тридцать восемь.

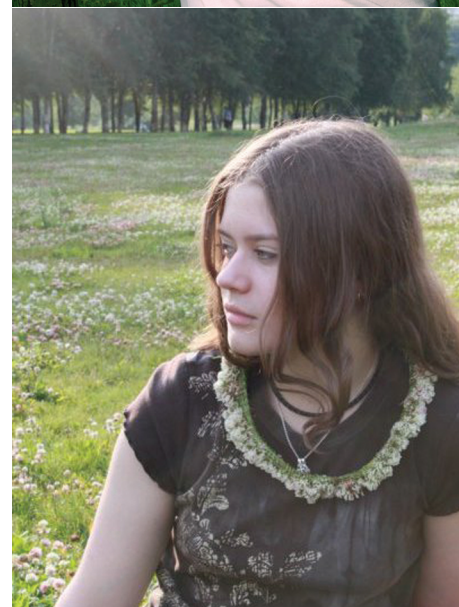
Дарья Сумкина, 9 класс

Моему другу Центон

Вы знаете, мой друг,
Бывает, как сегодня,
До странности легко
Строка целует лист.
Трепещет в клетке рук,
Как птичка, вечер поздний,
И мысли далеко,
И мой «вконтакт» завис...
С тоскою я гляжу на наше поколение.
Его грядущее иль пусто, иль темно.
Я коротаю миг в обманчивых виденьях,
Что дарит нам пьянящее вино.
Вы знаете, мой друг, я извожу чернила,
Чтоб просто в цель попасть, как свойственно друзьям,

Но думаю, что вас изрядно утомила
Длины безумной рукопись моя.
Огонь свечи дрожит, он тянет руки к небу,
И иней звёздный в вышине звенит.
Вы потерпите, сколько б глупым ни был
Сей мой вечерний одинокий бред.
Вы знаете, мой друг, причин жить не осталось.
У тамплиеров, безусловно, жизнь не мёд!
На плечи давит с яростью жестокая усталость,
Ведь каждый день сосед по парте пристаёт,
Физрук гоняет с силою тирана,
В груди моей не заживает рана,
Которую нанёс проваленный зачёт.

Полина Кузнецова, 10 класс

Глаголица

Газета филологического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова

Электронная версия газеты в Интернете:
www.philol.msu.ru/faculty/newspaper

Редколлегия: А. Холиков (административные вопросы), Ф. Ермошин, Г. Майоров, Л. Головина, О. Кочеткова.

Студенческий редсовет: М. Власова, Л. Жданова, Е. Крюк, М. Полякова.

Авторы: С. Трафедлюк, П. Кошелева, Е. Белеванцева, Р. Николаенко, Д. Сумкина, П. Кузнецова.

Благодарим за возможность издавать газету декана филологического факультета проф. М. Л. Ремнёву.

Благодарим за помощь в подготовке номера Е. Г. Домогацкую, Ю. Н. Симоненко.

При перепечатке ссылка на газету «Глаголица» обязательна. Мнение редколлегии может не совпадать с позицией авторов публикаций. Некоммерческое издание. Тираж 500 экз. Подписано в печать 26.02.2010. Отпечатано в типографии ордена «Знак Почета» Издательства Московского университета. 119991, Москва, ул. Академика Хохлова, 11. Заказ